

Аммон М. В.,

ГГУ ім. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь

АНТИНОМИЯ НАТУРЫ И НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

У роботі футурологічні тенденції з сучасної білоруської фантастичної літературі вважаються в їх тісному зв'язку з проблемою відносин природи і цивілізації. Автор аналізує твори згідно з їх повідомленнями, філософськими позиціями авторів, а також формальною організацією текстів.

Ключові слова: фантастична література, екопія, постапокаліпсис, кіберпанк, трансгуманізм.

In this paper futurological tendencies in modern Belarusian fantastic literature are considered in their close connection with the problem of correlation between nature and civilization. The author analyses the works according to its message, writer's philosophical views, as well as the formal organization of the texts.

Keywords: fantastic literature, ecotopia, post-apocalyptic fiction, cyberpunk, transhumanism.

Основными векторами развития современной белорусской фантастики выступают вопросы идеальных для общества соотношений материального и духовного начал, взаимообусловленности понятий цивилизации и природы, человека и науки. Именно многоаспектностью ее идейного потенциала, тесной связи с жизнью объясняется активное обращение к данной разновидности мимесиса в современном белорусском искусстве слова не только фантастов, но и многочисленных писателей-реалистов.

Тенденция к разностороннему рассмотрению специфики сосуществования науки и природы актуализировалась в границах двух разновидностей фантастической литературы: экопии и киберпанке.

Основной задачей **экопии** является стремление к осмыслению возможных путей гармонизации общества и природы через призму постапокалипсического и апокалипсического мироощущения (Л. Дайнеко “Человек с бриллиантовым сердцем”, Я. Сипаков “Блуждания по иномиру”, О. Минкин “Корова” и др.).

Так, к примеру, на страницах повести А. Адамовича “Последняя пастораль” разворачивается неприглядная картина последних дней человеческой цивилизации. Идиллическое существование главных героев на лоне природы, противопоставленное хаотичному и полному агрессии миру, связывает текст с обозначенным еще в заглавии произведения жанром буколической поэзии, основанной на отрицании городской суеты, отсутствии внимания к индивидуальному, личностному и прославлению

жизни пастухов и пастушек. Сложно не заметить, что в классическом виде пастораль как литературная форма и своеобразная идеологическая концепция близка к утопии. Не зря два жанра были актуализированы в границах одной художественно-эстетической парадигмы – сентименталистской.

Не обремененная связями с реальностью мечта возвращения человека к своим истокам приобретает в упомянутой выше повести А. Адамовича черты принудительной каузальности. В пространстве экотопии автор моделирует гармоничную жизнь людей в виде изолированного острова, единственной уцелевшей после ядерной катастрофы части суши. Об условности показанной писателем ситуации свидетельствует отсутствие у главных героев имен, вместо которых номинативную функцию исполняют слова Он, Она, Третий. Между данными персонажами не существует государственных границ и имущественной неравенности – с этой мини-державы полностью сняты атрибуты современности с характерным для нее усложнением социальных отношений. Люди, максимально приближенные к своей сущности и избавленные необходимости становиться на сторону тех или иных политических лозунгов, взглядов и идеологий, ведут себя наиболее естественно. Длительные размышления-споры действующих лиц насчет причин деградации человеческой цивилизации, попытки осознать и преодолеть проблемы, ставшие причиной невозможности достижения мира во всем мире, окончились дуэлью двух мужчин за право обладать женщиной. Абсурдность личностных коллизий в произведении парадоксальным образом противопоставляется бессмысленности царящего планетарного самоубийства. Так, последняя надежда человечества на жизнь, возможность написания на страницах наполовину стертого палимпсеста новой, избавленной от войны и разрушений, истории не получила своей реализации.

Появление элементов экотопии в белорусском вербальном искусстве в большой мере стимулировано наличием фундаментального вектора общественной мысли, неотрывно связанного с чернобыльским мироощущением. Парадоксально-сложным в процессе преодоления последствий трагедии, отрицания человеком функции агрессора по отношению к окружающей среде, согласно взглядам И. Афанасьева, выступает равнодушные, пассивность белорусов к данному вопросу. Исследователь утверждает, что “катастрофа, преодолев болевой порог сознания, уничтожает своих избранников изнутри, так как человеческий мир – необычайно шаткое пристанище для ее нечеловеческой сущности” [1, с. 140]. Именно поэтому поэтом специфическим атрибутом белорусской реалистической прозы на экологическую тематику стало апплицирование ситуации переживания чернобыльцами трагедии прощания с жизненно необходимыми стихиями на пространство фантастической реальности.

Отличительной своей направленностью в сторону проблемы осмысления Чернобыля как явления планетарного порядка и конкретного ее решения в белорусском культурном пространстве является творчество В. Козько. В текстах писателя на экологическую тему природа нередко восстает целостным и самостоятельным живым организмом, сакральным началом, с уничтожением которого, по словам С. Ханени, “исчезает и нация, после чего “мельчает” и человечество” [7, с. 82]. Так, мотивы апокалипсиса звучат в повести “Спаси и помилуй нас, черный аист”.

Специфическим воплощением деградации людей, отражением парадоксального стремления человечества к полной аннигиляции в произведении является жизнь колхоза “Верный путь”. Общее ощущение неподвижности жизни, атемпоральности, статичности реалистичного плана текста в некоторой степени приближает повесть к жанру постапокалиптики: *“Цяпер жа наогул эпоха ішла бескаляндарная. <...> жыватворная балота ўсыхала, глытнуўшы вады з ракі Леты, душа яго збывала мінулага, таму што амярцвела...”* [4, с. 288 – 289].

Мотив потери обществом духовных ориентиров усиливается в повести общим ощущением бесперспективности любых усилий по обновлению загрязненной нуклидами территории. Люди-призраки, природа-покойница, атомные Адам и Ева являются в произведении выразительными символами нового, постчернобыльского мира: *“Дзед каля мёртвай яблыні з нежывымі яблыкамі аберагаў ад мёртвых неспажыўных гусей таксама мёртвае атрутнае жыта, старая варыла варэнне з тых мёртвых яблык”* [4, с. 322].

Агрессивное последствие технократической цивилизации противопоставляется в тексте В. Козько поэтизации первобытной, нетронутой человеком природы, которая показана в повести единственным средством сопротивления безумию, ощущения людьми своих корней. Показательной в данном плане может служить сцена похорон Лазарем Кагановичем своего мизинца, являющаяся в произведении символом единения человека и леса.

Немаловажной в идейно-художественном наполнении текста выступает тема разрушение Эдема, общечеловеческого греха. Она раскрывается в притче о черном аисте, рассказанной внучке старой бабушкой. Судьба птицы, которая во времена земного рая научилась летать, оторвалась от земли, но так и не смогла достичь неба, отождествляется с трагическим и, с точки зрения писателя, ошибочным выбором, сделанным людьми в пользу технологического развития.

Альтернативное видение проблемы соотношения цивилизации и природы представлено в произведениях, написанных в жанре **киберпанка** (малая проза В. Климовича, Р. Боровиковой, повесть В. Гигевича “Пабаки”, роман Ю. Станкевича “Пятая центурия, тридцать второй катрен” и др.).

Философским базисом данной разновидности фантастической литературы является трансгуманизм – система взглядов, согласно с которой человек воспринимается как объект искусственного совершенствования. Репрезентированная этим направлением теория бесперспективности саморазвития homo sapiens, в свою очередь, основана на идеи граничного существования в современном технологизированном обществе понятий “натура” и “наука”, что, с точки зрения Ю. Кагарлицкого, в итоге ведет к “неизбежному возвращению людей с помощью [науки. – М. А.] к природе [2, с. 280].

Мотивы верификации потенциальных результатов научно-технического прогресса и характера его воздействия на общество звучат в творчестве А. Павлухина. Рассказы автора фундированы идеей бесконечного преобразования личности с помощью всех возможных средств трансформации человеческого тела и сознания: от применения нанороботов до полного слияния разума людей и компьютерной системы.

В качестве сюжетов произведений писателя в жанре киберпанк нередко выступает борьба хакера, интеллектуального злодея, своеобразного социального и духовного маргинала, с могущественными корпорациями (“Сальто над алюминиевым лесом”). Нарратор создает мир, где гигантские транснациональные организации замещают собой государство и владеют политической, экономической и военной силами. А. Павлухин ставит своих персонажей перед выбором: подчиниться компьютерно-торговой системе и игнорировать нелегальное использование новых технологий или сражаться с несправедливостью. Герои произведения выбирают последнее и достигают своей цели. Однако абстрагированность их благородных идей от настоящих проблем социума и меркантильность интересов (продать секрет вечной жизни за большие деньги) делают победу Давна и Кунджи довольно иллюзорной. Тем более что реальность не учитывает тех или иных виртуальных достижений: жизнь героев в конце рассказа останавливает самая обычная свинцовая пуля.

Атрибуты киберпанка с следующим рассказе писателя – “Загрузка вверх” – нашли свое отражение не только в содержательном, но и в формальном плане. Так, отличительной чертой текста выступает своеобразная конденсация, “спрессованность” предложенной автором информации, насыщенность речи прилагательными и наречиями, пассивными лингвистическими конструкциями, среди которых подчас возникает сюжетная цепочка, приближающая данное произведение к “имитации гештальта – одновременного существования многих сущностей” [6, с. 78] (И. Толоконников). Для вышеупомянутого рассказа характерно также наличие традиционной для киберпанка деформации окружающего мира, его разделения на два основных пласта: реальный и виртуальный.

Дзен-буддийские аллюзии, репрезентами которой можно назвать об-

ращения А. Павлухина к личностям монаха Бодхидхарма, Мухаммеда Кусамы – двоюродного брата Пророка в мусульманской религии, к образу мифического дерева закум и др. переплетаются в тексте со специфическим национальным колоритом стран Востока, значительно трансформированным под влиянием развития информационных технологий.

Неотъемлемым компонентом возможного будущего техногенного общества, с точки зрения писателя, являются дегуманизация, равнодушие к любым проявлениям индивидуального, низкий уровень жизни, полная деградация моральности, признание людей несовершенными существами разносторонние их модификации, за которыми порой теряется сам человек: *“Я ішоў паўз слупы з прыкаванымі дзяўчынамі-мулаткамі (ідэальныя формы плюс генетычная карта з пералікам унесеным змяненняў), паўз палаткі з кансерваванай вадой і салодкасямі, паўз гуляючыя мышцамі кланіраваныя целы...”* [5, с. 105]. Дезориентация людей в окружающем их мире в значительной мере обусловлена популярным в будущем факте слияния компьютера и его пользователя, перемещением последнего в киберпространство, иллюзорное место, где исчезает дихотомическое разделение на добро и зло, этическое и неэтическое.

Спецификой этого рассказа выступает также отказ автора от создания общепризнанного для данной разновидности фантастической литературы героя – своеобразного маргинала в своем обществе, ибо именно он сопротивляется бездушной техногенной цивилизации и получает шанс изменить жизнь, не только свою, но и целого человечества. В центре произведения находится ШТИн (от белорусского “штучны” и “інтэлект”) – искусственной интеллект, лишенный физической оболочки и полностью погруженный в компьютерную реальность. Процесс развития данного существа – от его самоинсталляции в городской компьютерной системе до отождествления себя со сверхсозданием – является структурообразующим компонентом произведения. Анализируя окружающий себя мир, понимая бессмысленность жизни на Земле, ШТИн приходит к единственному логичному для него выводу: необходимости перехода людей на более высокую стадию своего развития, которая заключается в полном слиянии его с последним в единое виртуальное существо, не обремененное теми или иными признаками индивидуальности. Условный конец света – так назвал А. Павлухин данный эволюционный скачок, способный подарить человечеству надежду на осуществление самой заветной своей мечты – дотянуться до звезд. Именно это стремление нашло свое отражение в лозунге нового времени – “загрузіце сябе ў нябёсы” [5, с. 107].

Итак, специфика взаимодействия природы и цивилизации в современном мире по-разному реализовывается в различных жанрах фантастичес-

кой литературы. Так, экотопия с ее интенцией к конструированию модели оптимальных условий сосуществования человека и природы тесно сочетается с апокалипсическими и постапокалипсическими мотивами. Трагедия нерациональности выбранного обществом пути развития апплицирована в многочисленных произведениях как на национальные, так и общепланетарные масштабы. Духовная деградация современного человека, показанная сквозь призму природного дисбаланса, поиск причин деконструкции личности, вопрос о целенаправленности функционирования высокотехнологизированного социума – основные проблемы белорусской экотопии. Единственным выходом из ситуации фатального приближения людской цивилизации к саморазрушению для многих писателей видится гармонизация внутреннего мира личности и окружающего ее мира.

Кардинально другой подход к анализу путей взаимодействия человека и природы предлагает киберпанк, направленный на осмысление путей эволюции homo sapiens, попытку предсказания возможных результатов реализации теории физического и интеллектуального самосовершенствования людей с помощью искусственных методов и без внимания к духовному развитию каждого отдельного индивида.

Литература:

1. Афанасьёў, І. Чарнобыльскае светаадчуванне ў сучаснай беларускай літаратуры / І. Афанасьёў. – Мн.: Бел. навука, 2001. – 206 с.
2. Кагарлицкий, Ю. Что такое фантастика? / Ю. Кагарлицкий. – М.: Художественная литература, 1974. – 352 с.
3. Казько, В. Прахожы / В. Казько // Польша. – 1995. – № 9. – С. 10 – 35.
4. Казько, В. Судны дзень: апавесці, апавяданні / В. Казько. – Мн.: Маст. літ., 1998. – 478 с.
5. Паўлухін, А. Загрузіце сябе ў нябёсы: фантастычныя апавяданні / А. Паўлухін // Дзеяслоў. – № 22. – С. 99 – 107.
6. Толоконников, И. 80-е под знаком киберпанка / И. Толоконников // Фантакрим MEGA. – 1991. – № 5. – С. 78.
7. Ханеня, С. І. Умоўнасць як універсальная сістэма ў мастацкім свеце В. Казько / С. І. Ханеня // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2001. – № 4 (7). – С. 86 – 93.